

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

— ЯКОБ ГРИММ —

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

— Том I —

Перевод
Д. С. Колчигина

2-е издание, дополненное

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 82/820
ББК 82.3(3)
Г 84

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Гримм Якоб

Г 84 Германская мифология. Т. I / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред.
Ф. Б. Успенского. — 2-е изд., доп. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. —
928 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907117-30-3 (т. I)

ISBN 978-5-6040760-6-4

«Германская мифология» — фундаментальное исследование, посвященное историческому мировоззрению континентальных германцев и принадлежащее перу Якоба Гримма (1785—1863), одного из крупнейших языковедов XIX века, старшего из братьев Гримм. Книга оказала всестороннее влияние на целое поколение ученых и стала источником вдохновения филологов и этнографов по всему миру (в том числе и русских ученых). Вместе с «Германской мифологией» в фольклористике утвердилось новая методологическая школа, работающая с мифом как с живой частью языка, ядром непреходящей народной традиции. Во многих отношениях работа Гримма остается непревзойденным эталоном: в частности, это наиболее полный источниковедческий труд по данной теме.

В настоящем издании представлен первый перевод «Германской мифологии» на русский язык; перевод выполнен по наиболее полному, четвертому, изданию книги (завершено в 1878 году) без купюр и сокращений. В переводе разрешаются основные сложности, с которыми сталкивается современный читатель оригинала «Германской мифологии»; полностью переведены все содержащиеся в книге цитаты на разных языках, древних и новых, текст снабжен списком литературы и комментариями. Многоязычный цитируемый материал составляет не менее трети всей книги и не переводился ни у автора, ни в современных переизданиях. Что касается литературы, Гримм ссылается на сотни источников, среди которых много редких и малоизвестных; ссылки, однако, по традиции XIX века приводятся автором в сокращениях и в данном издании расшифрованы впервые. Таким образом, на русском языке выходит первое в истории академическое издание «Германской мифологии», включающее в себя весь необходимый справочный аппарат.

УДК 82/820
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-907117-30-3

9 785907 117303 >

© Д. С. Колчигин (перевод на русский язык,
комментарии, научный аппарат), 2018
© С. А. Ромашко (предисловие), 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Содержание

С. А. Ромашко. Как мифология стала германской	7
Д. С. Колчигин. «Германская мифология» во времени и языке.	
Предисловие переводчика	24
Предисловие автора ко второму изданию	81
<i>Примечания к предисловию . . . . .</i>	<i>121</i>
Глава I. Введение	128
<i>Примечания к главе I . . . . .</i>	<i>140</i>
Глава II. Бог.	149
<i>Примечания к главе II . . . . .</i>	<i>166</i>
Глава III. Почитание богов.	180
<i>Примечания к главе III . . . . .</i>	<i>219</i>
Глава IV. Святилища	237
<i>Примечания к главе IV . . . . .</i>	<i>263</i>
Глава V. Жрецы	270
<i>Примечания к главе V . . . . .</i>	<i>282</i>
Глава VI. Боги.	288
<i>Примечания к главе VI . . . . .</i>	<i>322</i>
Глава VII. Вотан.	330
<i>Примечания к главе VII . . . . .</i>	<i>367</i>
Глава VIII. Донар	388
<i>Примечания к главе VIII . . . . .</i>	<i>414</i>
Глава IX. Цию	426
<i>Примечания к главе IX . . . . .</i>	<i>442</i>
Глава X. Фро	447
<i>Примечания к главе X . . . . .</i>	<i>458</i>
Глава XI. Пальтар	462
<i>Примечания к главе XI . . . . .</i>	<i>475</i>
Глава XII. Другие боги.	479
<i>Примечания к главе XII . . . . .</i>	<i>495</i>

Глава XIII. Богини	499
<i>Примечания к главе XIII</i>	571
Глава XIV. Свойства богов	585
<i>Примечания к главе XIV</i>	607
Глава XV. Герои	617
<i>Примечания к главе XV</i>	671
Глава XVI. Вещие жены	681
<i>Примечания к главе XVI</i>	724
Глава XVII. Вихты и эльфы	737
<i>Примечания к главе XVII</i>	817
Глава XVIII. Великаны	848
<i>Примечания к главе XVIII</i>	887
Глава XIX. Сотворение	899
<i>Примечания к главе XIX</i>	922

Как мифология стала германской

Середина пути

«Германская мифология» Якоба Гримма для большинства современных российских читателей — знакомый незнакомец. С детства им известны некие «братья Гримм», имена которых они даже толком не знают, а ведь именно один из них и написал эту книгу. Важнее то, что книга эта, как и ряд других сочинений Якоба Гримма, как и работы, которые братья создавали вместе, сыграла существенную роль в культурной истории Европы, и отзвуки этих исторических движений слышны и в наши дни.

Но давайте всё по порядку.

Оценить сделанное Якобом Гриммом можно лишь с учетом того исторического контекста, в котором он жил и действовал. Жизнь его пришлось на время серьезных общественных, политических и культурных сдвигов в жизни Германии и значительной части Европы в целом, начало которых отмечено Великой французской революцией и последовавшими за ней масштабными войнами, а конец — объединением Германии и созданием недолговечного второго рейха династии Гогенцоллернов. И дело не столько в том, что Якоб Гримм, жизнь которого полностью укладывается в рамки этого почти векового промежутка, оказался причастным ряду значимых событий, таких, как Венский конгресс 1814—1815 годов, либерально-демократические движения 30—40-х годов и неудавшаяся революция 1848—1849 годов. Гораздо важнее то, что в его деятельности отразились глубинные общественные трансформации, выражением которых стали те или иные исторические события, или, вернее, его деятельность, в сущности, и была частью этих трансформаций. Для многих это может показаться неочевидным, но это именно так.

Родился Якоб Гримм (Jacob Ludwig Carl Grimm) в 1785 году в Ханау недалеко от Франкфурта-на-Майне в семье чиновника. Гессенские земли были его родным краем, взросление Якоба, как и родившегося годом позже брата Вильгельма, связано с городом Касселем, находящемся в самом центре Германии. В этом городе братья провели значительную часть жизни, именно там находится сегодня их дом-музей.

В 1802 году Якоб приступает к занятиям в университете Марбурга. Это было еще во многом старое, традиционное учебное заведение, а реформа образования, которая привела к возникновению университета новой формации, только назревала. Ни германской филологии, ни филологического факультета

еще не существовало, так что Якоб с учетом жизненных обстоятельств (семейная традиция, да и в практическом смысле понятный по тем временам выбор, открывавший путь к административной карьере) поступает на юридический факультет, как и присоединившийся к нему на следующий год Вильгельм. Однако братьям повезло: их академическим наставником стал Фридрих Карл фон Савиньи (Friedrich Carl von Savigny, 1779—1861), правовед и политический деятель, человек незаурядный и во многом опережавший свое время. Его работы по истории права уже тогда предвосхищали характерное для гуманитарной науки XIX века понимание существования общества как исторического процесса. Именно этот подход подхватили у своего преподавателя братья, как и вообще дух нарождавшейся новой, недогматической гуманитарной науки. Хотя вскоре Якоб сообщил Савиньи, что не будет более заниматься правом, однако история его определенно волновала, правда, как он пояснял, прежде всего история языка и литературы. Из-за небольшой разницы в возрасте Савиньи в какой-то мере был и старшим товарищем братьев. И благодаря ему они познакомились с полными разнообразных замыслов романтиками Ахимом фон Арнимом (Carl Joachim Friedrich Ludwig von Arnim, 1781—1831) и Клеменсом Брентано (Clemens Wenzeslaus Brentano, 1778—1842).

Арним и Брентано были в это время поглощены работой над сборником немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (Des Knaben Wunderhorn, 1806—1808), и братья Гримм принимают участие в подготовке издания. Метод Арнима и Брентано с самого начала вызывал возражения (да и между самими составителями возникали споры), а с точки зрения сложившейся позднее фольклористики признать его научным не представлялось возможным. Скорее это была своего рода поэтическая реконструкция, в которой составители не отделяли полученный ими материал (источники его далеко не всегда были надежными) от своего интуитивного представления о народном наследии. Да и задача перед изданием стояла не столько научная, сколько культурная и даже идеологическая.

Якоб Гримм к тому времени был уже знаком и с журналом братьев Шлегелей «Атеней», и со сборником лирики миннезингеров, изданным Людвигом Тиком¹. Но живое общение с романтической средой, несомненно, добавляло энергии его движению в избранном направлении. Затеяв издание сказок, Якоб расширял поле, по которому уже двигались его новые друзья. Значительную роль в подготовке сборника сыграл Вильгельм как человек более проникнутый литературой и искусством. Неслучайно в дальнейшем Якоб передал всю заботу о сказках младшему брату, пополнявшему собрание и готовившему последующие издания. Два тома «Детских и домашних сказок»², хотя и принесли братьям

---

¹ Minnelieder aus dem schwäbischen Zeitalter neu bearbeitet und herausgegeben von Ludwig Tieck. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1803.

² Kinder- und Haus-Märchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1812—1815.

широкую известность, однако претендующей на научность публикацией также не были. Во многом они еще следовали сборнику Арнима и Брентано, находясь на историческом распутье фольклористики и литературного творчества на фольклорной основе.

Однако уже в это время Якоб и Вильгельм пробуют свои силы на поле гуманитарного знания, прежде всего германистики. Свои исследовательские и издательские опыты они публикуют и в эфемерной периодике романтиков, и отдельными книгами, и даже, следуя примеру других, затеяли сами издавать журнал «Древненемецкие леса»³. Среди первых публикаций следует отметить изданный братьями в 1812 году фрагмент древневерхненемецкого эпоса, получившего наименование «Песнь о Хильдебранде». В 1816—1818 годах Якоб и Вильгельм издают двухтомник «Немецкие легенды»⁴, представляющий собой некоторый шаг вперед в отношении работы с устным преданием: в сборнике более четко обозначены жанровые границы, как и отношение к источникам.

Все эти первые опыты братьев Grimm приходятся на крайне беспокойные годы войн и политических катаклизмов. Обоим приходилось искать для себя в этой непростой ситуации возможность заработка, и здесь полезными оказывались и общая эрудиция, и юридические познания. Но вот завершились и войны, и дипломатическое оформление их результатов. В 1816 году братья вновь в Касселе, оба на должности библиотекаря. К тому времени это было обычное пристанище для ученого, если его занятия не входили в круг признанных университетских дисциплин. Жалованье было скромным, но и обязанности необременительными, а пребывание в библиотеке предоставляло возможности для исследовательской работы. Почти полтора десятилетия, проведенных тогда в Касселе, Якоб считал самыми спокойными и самыми плодотворными в своей жизни. Именно в это время создаются или начинаются фундаментальные работы, значимые не только в рамках биографии Якоба Гримма, но и немецкой науки в целом.

В 1819 году Якоб Grimm приступает к изданию «Немецкой грамматики». Последняя, четвертая, часть грамматики выходит в 1837 году⁵, но основы ее создаются именно в кассельские годы. Значение этого труда, ставшего и первой сравнительно-исторической грамматикой германских языков, и первым образцом исторической грамматики вообще, трудно переоценить. Неслучайно этот период в жизни Якоба Гримма часто называют также «грамматическим». Однако несмотря на интенсивность сугубо лингвистических занятий, ученый не от-

---

³ Altdeutsche Wälder herausgegeben durch die Brüder Grimm. I—III. Cassel — Frankfurt, 1813—1816.

⁴ Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. I—II. Berlin: In der Nicolaischen Buchhandlung, 1816—1818.

⁵ Grimm J. Deutsche Grammatik. I—IV. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1819—1837.

казывается от привычного для него широкого взгляда на историю культуры в целом. В 1828 году выходит том «Древности германского права»⁶. Здесь Якоб Grimm объединяет свои юридические познания со взглядом историка культуры и филолога, демонстрируя и особенности работы с древними текстами (включая их языковое и речевое своеобразие: образность языка этих памятников, аллитерацию, формульный характер и символику), и возможность извлечения из этих источников самых разных сведений о жизни общества в прошлом. О поэтическом элементе в языке древнего права Grimm писал в одном из своих ранних исследований, теперь же он в развернутом виде продемонстрировал многомерный характер языкового высказывания, позволяющий рассматривать один и тот же текст в разных аспектах.

В 1830 году братья Grimm получают приглашение Гёттингенского университета, при этом библиотечарские обязанности за ними сохраняются наряду с профессорскими. В гёттингенские годы из печати выходит первое издание «Германской мифологии»⁷. Однако подготовкой к этому событию, по сути, была вся предшествующая деятельность: размышления о мифологии содержались уже в первых публикациях Якоба Grimma, корпус материала пополнялся, а методология совершенствовалась на протяжении многих лет. Время подвести итог пришло тогда, когда данные германских памятников уже были обработаны, если обозначить это в соответствии с современной семиотической классификацией, со структурно-формальной стороны, и ученый явно ощущал потребность дополнить этот строгий формальный анализ анализом семантическим и прагматическим, реконструируя не только грамматику, но и представления, а также и жизненный уклад предков. Таким образом, «Мифология» представляла собой своего рода предварительные итоги трудов Якоба Grimma. Рубежный характер эта публикация имела и для становления германистики как самостоятельной научной и учебной дисциплины: в сочетании с грамматикой она задавала определенные базовые параметры и стандарты работы в этой области.

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Якоба Grimma, если бы не события за пределами науки, которые не могли оставить его безучастным. Братья не принимали активного участия в общественной жизни, однако и пренебрегать гражданскими обязанностями не считали возможным. Следует учитывать, что публичной политики в это время еще не существовало, а потому на творческой интеллигенции в некотором роде лежала, наряду с основной профессиональной, также и обязанность представлять общественное мнение. И об этой обязанности Grimmy не забывали. И поэтому не было удивительным, что в конце 1837 года, как охарактеризовал случившееся сам Якоб Grimm, в его

---

⁶ Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1828.

⁷ Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1835.

«тихий дом ударила молния». Семь университетских профессоров, включая братьев, заявили открытый протест против указа ганноверского короля Карла Августа, отменившего действие принятой в 1833 году конституции. Они были уволены, а Якоба еще и выслали за пределы королевства. Либеральная общественность была на стороне «гёттингенской семерки», как их тут же окрестили, по рукам ходили листовки с портретами ученых.

Гримм возвращается в Кассель и продолжает свои занятия уже как частное лицо («приватный ученый», как это тогда называлось). Немного погодя возвращается в Кассель и Вильгельм. Братьям в очередной раз предстоит определиться со своим жизненным путем. Как раз в это время и появляется идея создания словаря, который должен представить всё богатство немецкого языка. Академическая пауза в деятельности братьев Гримм продолжалась недолго. В 1840 году их принимают в Берлинскую академию, и они получают приглашение переехать в Берлин, где и проводят последний период своей жизни. Правда, нарастающая общественно-политическая активность всё же прерывала их размеренные занятия. В 1846 году во Франкфурте проходит первый съезд германистов, объединивший ученых разных специальностей (не только филологов, но также историков и правоведов), на котором Якоб Гримм выступает с речью «О достоинстве неточных наук». В разгар революции 1848 года Якоб Гримм был депутатом Франкфуртского национального собрания. Но основным занятием братьев стал «Немецкий словарь», первый том которого вышел в 1854 году⁸. В 1859 году ушел из жизни Вильгельм, а издание словаря было завершено лишь почти через сто лет после смерти Якоба Гримма, последовавшей в 1863 году.

Мифология: место и время

Любое высказывание сообщает нечто не только о предмете, которого оно касается, но и о персоне, которая это высказывание производит. Вернее было бы сказать: и о всем комплексе обстоятельств порождения этого высказывания, поскольку ни одна персона не существует в вакууме, а окружена целым комплексом контекстов, как речевых, так и ситуативных. Это общее положение вполне применимо и к истории науки, в данном случае — к пониманию истоков определенного научного текста, определенного коммуникативного события в области науки.

Появление «Германской мифологии» Якоба Гримма не было спонтанным событием ни с точки зрения творческой биографии автора, ни с точки зрения общего ситуативного контекста ее появления. Что касается личности автора, то

---

⁸ Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854.

Якоб Гримм активно развивался как исследователь на протяжении практически всей своей жизни и не был догматиком. В то же время, сравнивая его публикации разных лет, нетрудно заметить некоторые силовые линии, по которым это развитие в значительной степени проходило. Что же касается ситуации, в которой Гримм действовал, то для нее предмет его занятий и связанная с ним проблематика были весьма характерны.

На рубеже XVIII—XIX столетий в Германии вспыхивает интерес к мифологии. Почти неожиданно оказывается, что погружение в мифы, верования, обряды имеет смысл и обещает открытия. Некоторые исследователи даже говорят о своего рода мифологической эпидемии в это время. Важно в любом случае, что до того подобная позиция совсем не представлялась очевидной. Перспектива рассмотрения человеческой истории вдруг словно опрокинулась и перевернулась. Именно тогда молодой Фридрих Шлегель (Karl Wilhelm Friedrich Schlegel, 1772—1829) объявил историка обернувшимся назад пророком. Но ведь в этом случае логическим продолжением будет: повернувшийся вперед историк оказывается пророком. Так романтики легким движением рассыпали конструкцию просветительского проекта, обнажив наступавший кризис первого шага к модернизации.

Слово «модернизация» появляется здесь совершенно не случайно. Одна из отличительных черт Нового времени в европейской истории — изменение понимания времени. Историческое движение становится не только линейным, а последовательность времен приобретает и ценностный характер. В европейские языки входит прилагательное *modern(e)*, которое служит своего рода семантическим якорем, определяющим неоднородность временной шкалы. Характерно, что вопрос о превосходстве нового над старым довольно рано перекинулся с науки и техники на область литературы и искусства, что проявилось, в частности, во французских дебатах о «древних» и «новых» (*Querelle des anciens et modernes*) в конце XVII века. Центром нового понимания истории оказывается понятие прогресса, столь важное для идеологии Просвещения.

Если прогресс становится доминантой рассмотрения истории культуры, причем понимается он просветителями чаще всего достаточно бесхитростно, как линейный поступательный процесс, то мифологии в такой исторической концепции, как и древнейшим культурным явлениям вообще, уготовано не слишком почетное место. Если оставить в стороне классическую мифологию как собрание забавных историй и персонажей, пригодных для сочинения поэзии, опер или создания живописных полотен, то развитие культуры и общества до их «современного» (модернизированного), «просвещенного» состояния делает мифологию, в сущности, ненужной. И если к мифологии всё же обращаются, то это сопровождается своего рода оправданием: ценность мифологии объясняется ее поэтическим характером (И. Г. Гердер), либо в ней усматриваются зачатки философии, «философемы» (как это делал юный Ф. В. Й. Шеллинг).

Однако и в том, и в другом случаях она оказывается под знаком «еще не», которого предварительного, несовершенного («детского») состояния развития творческих способностей.

Ситуация решительно меняется с появлением романтиков. Они были воспитанниками Просвещения, но воспитанниками-бунтарями. И бунтарями не просто отрицающими своих предшественников, а предлагающими новый подход с учетом пройденного. Одним из симптомов изменения стала рецензия Фридриха Шлегеля на книгу Ж. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (отклик на вышедшее посмертно в 1795 году сочинение был опубликован всего несколько месяцев спустя). Не отказываясь от идеи поступательного развития человечества, Шлегель в то же время подчеркивает, что прогресс, если и существует, то не как линейное поступательное движение, а как сложный процесс, в ходе которого возможны остановки и возвратные движения. Размышляя о Французской революции как противоречивом историческом явлении, Шлегель дает ей характеристику: «трагическая арабеска эпохи» (КА XVIII, 57), усматривая в такой причудливой конфигурации визуальное представление сложной драматургии истории.

Еще не отказываясь от понятия прогресса, Фридрих Шлегель определяет в 1798 году романтическую поэзию как «прогрессивную универсальную поэзию», хотя понятно, что «прогрессивность» уже понимается им в данном случае отлично от типичного просветительства. А в 1800 году в составе «Разговора о поэзии», опубликованного в последнем томе журнала «Атеней», появляется вдохновенный панегирик «Речь о мифологии» (*Rede über die Mythologie*), в котором он предвещает появление «новой мифологии» из «самых глубин духа». В утопическом видении отстаивается самоценность мифологии как особой формы проявления творческих сил человека, равно как и самоценность любой эпохи, любой культуры, любого языка. Кризис современности Фридрих Шлегель видит в распаде первоначальной цельности человеческого существа, его духовных сил, в драматическом отрыве человека от породившей его природы. Это утраченное единство он и видит в мифологии — и в древней, и в предвещаемой им новой. Признавая возможности рационального, аналитического познания, он тем не менее утверждает, что и физике явно не хватает мифологии, то есть цельной, очеловеченной картины мира.

Совсем еще молодой Якоб Гримм углубляется в мифологическую проблематику, когда романтики наметили уже достаточно широкий спектр возможных подходов к ее рассмотрению. Сначала он публикует в *Zeitung für Einsiedler* фон Арнима «Мысли: как соотносятся сказания с поэзией и историей» (*Gedanken: wie sich die Sagen zur Poesie und Geschichte verhalten*, 1808), затем в *Deutsches Museum* Фридриха Шлегеля более пространные «Мысли о мифе, эпосе и истории» (*Gedanken über Mythos, Epos und Geschichte*, 1813). Как и другие романтики, Якоб Гримм видит в мифе и родственных (производных) формах проявление глубинного творческого начала, в доисторических далях — источник «свежего и

животворящего духа»⁹. Истинность мифа не подлежит эмпирической проверке, а эпос как одна из его производных представляет собой сплав мифологической (высшей, божественной) и человеческой истин. Вместе с другими романтиками он не желает признавать упрощенное понимание прогресса, соотношения прошлого и настоящего. Показательно в этом отношении сделанное им в «Древностях германского права» замечание по поводу характерной для подобного упрощенного представления позиции И. К. Аделунга: «Кто может без возмущения читать, в каком виде представляет Аделунг древнейших немцев? Из всех отдельных пороков, упоминаемых историками, он создает общую картину, как если бы кто-нибудь пожелал из уголовной хроники современных газет сделать заключение о нашей испорченности в целом» (*Deutsche Rechtsaltertümer*, XV). Поэтому, по его мнению, ни взгляды людей прошлого, ни их образ жизни нельзя мерить нормами более позднего времени. Отказываясь от идеализации прошлого, Якоб Гримм при этом отвергает и попытки это прошлое принижать.

Дебаты о прогрессе и отношении «современного» человека к «древнему» в тот момент были не просто эмоциональны. Это было делом не только узкой ученой корпорации — эмоции выплескивались и в общественную жизнь, захватывая довольно широкий круг, как тогда говорили, образованной публики. Свидетельством тому может служить достаточно известное литературное произведение, которое, однако, чаще всего с развитием гуманитарной науки не соотносят, а напрасно. Речь о сатирической сказке-гротеске Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер» (опубликована в 1819 году). Действие происходит в некотором «маленьком княжестве» (сразу угадывается немецкая реальность того времени), новый правитель которого решает «ввести просвещение», для чего предполагается «вырубить леса, сделать реку судоходной, развести картофель, улучшить сельские школы, насадить акации и тополя, научить юношество распевать на два голоса утренние и вечерние молитвы, проложить шоссейные дороги и привить оспу», а самое главное — изгнать из страны всех фей, потому что «они упражняются в опасном ремесле — чудесах — и не страшатся под именем поэзии разносить вредный яд, который делает людей неспособными к службе на благо просвещения» (пер. А. Морозова). Это не просто забавная фантастическая история, но и вполне злободневная карикатура на тот плоский вариант просветительства, который получил еще название «прусского просвещения». Подобно другим романтикам, Гофман отстаивал более широкий взгляд на человеческую натуру, но делал это в своей литературной манере. Благодаря его мастерству отблеск дискуссии надолго пережил свое время, а актуальные на тот момент причины появления сказки оказались за пределами горизонта большей части позднейших читателей.

---

⁹ *Deutsche Sagen*. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin: in der Nicolaischen Verlagsbuchhandlung. 1816. V.

История: дисциплина и метод

Событие, получившее наименование раннего немецкого романтизма, было очень коротким, но невероятно интенсивным явлением в истории культуры, своего рода культурной вспышкой с долгими последствиями. Всего несколько лет группа молодых людей, не обращая внимания на нормы и предписания, то ли всерьез, то ли играя, опираясь не столько на большую эрудицию (хотя невеждами они не были), сколько на интуицию, породили такое множество плодотворных идей, что исследователи до сих пор не могут прийти к согласию в трактовке происшедшего. Случай не единичный, и, как показывает история, находиться в состоянии интуитивного озарения обычно удается недолго. Романтикам предстояло как-то определиться в жизни общества, выбрать какой-либо определенный вид деятельности в условиях нарастающей профессионализации интеллектуальной деятельности.

В свое время В. М. Жирмунский, рассуждая о месте романтизма в истории культуры, верно заметил, что в определенный момент тем из романтиков, которые не хотели полностью уйти в литературу и искусство (как это было, например, с Ахимом фон Арнимом, который в юности занимался экспериментальным изучением электричества, однако затем совершенно погрузился в литературу, оставив науку другим), а желали реализовать познавательный момент романтического импульса (недаром же Фридрих Шлегель в «Речи о мифологии» обещал, что «все науки и все искусства охватит великая революция»), предстоял серьезный выбор. Перед ними было два пути: уйти в мистику либо заняться историческими исследованиями (в филологии, искусствоведении, общей истории). Решение этой дилеммы прекрасно иллюстрируют два брата: Фридрих и Август Вильгельм Шлегели. Фридрих после короткой интерлюдии санскритских штудий, проложившей дорогу целому ряду направлений в гуманитарных исследованиях в Германии, да и Европе в целом, уходит в религиозную мистику. Старший брат, Август Вильгельм (August Wilhelm von Schlegel, 1767—1845), с юных лет более привязанный к филологии, исследует историю языков и литератур и, подхватив начатое младшим, создает в Боннском университете сильную индологическую школу. Важно, что при этом ни тот, ни другой не считал, что отказался от своих романтических основ, — и оба были правы.

Что касается Якоба Гримма, то он начинает свою деятельность уже в тот момент, когда поднимается вторая волна романтического движения и поэтому с дилеммой выбора пути ему пришлось столкнуться сразу. Первые публикации Гримма приходятся на годы, когда немецкая общественность с интересом обращается к мифологии. Среди наиболее активных авторов того времени следует особо отметить филолога и литератора Иоганна Арнольда Канне (Johann Arnold Kanne, 1773—1824), одну из «малых» фигур немецкого романтизма, не слишком известного в более позднее время (а в России и почти неизвестного), но тогда

привлекшего к себе внимание и ставшего на время даже своего рода представителем поворота науки к мифологии. В 1808 году выходит из печати его двухтомный труд «Первые свидетельства истории, или Всеобщая мифология»¹⁰. Книга привлекла к себе немалое внимание, хотя и у специалистов, и не только у них как раз ее «всеобщий» охват вызывал либо сомнение, либо настороженность. Даже написавший к ней предисловие популярный тогда писатель Жан Пауль¹¹ при всей симпатии к автору сразу же оговаривается, что не берется судить об объективной значимости книги, ограничиваясь значимостью субъективной. Современный читатель несомненно оценит предусмотрительность писателя: всего несколько десятилетий спустя написанное Канне полностью исчезнет из научного обихода, а имя его если и будет упоминаться, то разве что как отрицательный пример.

И всё же не стоит просто отбрасывать сделанное Канне, если мы хотим разобраться в истории науки. Эта история представляет собой многофакторный процесс, так что даже если какая-то книга просто привлекла внимание к проблеме, то вычеркивать ее из истории было бы несправедливо. Разумеется, этимологии Канне сегодня в большинстве своем вызовут у кого улыбку, а у кого и ужас. Автор свободно перемешивает греческие слова с древнееврейскими, добавляя, так сказать, по вкусу германские, славянские, древнеперсидские и санскритские (без серьезного знания этих языков), а то и древнеегипетские, что особенно занятно, если учесть, что языком этим в тот момент в Европе не владел никто (что совершенно не мешало Канне рассуждать и об иероглифах, хотя сведения он брал из вторичных и ненадежных источников). Правда, Канне еще ранее заметил (первооткрывателем он не был, но всё же его позиция заслуживает признания) некоторые звуковые закономерности в отношениях германских языков к явно родственным — греческому и латинскому. Речь о согласных, которые в германских языках достаточно регулярно отличались от греческих и латинских. Однако Канне сам перечеркнул свое достижение, тут же допустив, что внутри отдельных групп согласных (зубные, нёбные, губные) допустима взаимозаменяемость. Кроме того, он, как и многие представители донаучной этимологии, допускал разнонаправленность и обратимость изменений, а также возможность добавления / опускания отдельных звуков¹².

---

¹⁰ *Kanne J. A. Erste Urkunden der Geschichte oder allgemeine Mythologie. Zwei Bände. Mit einer Vorrede von Jean Paul. Baireuth: bei Johann Andreas Lübecks Erben, 1808.*

¹¹ Жан Поль, Jean Paul — литературный псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера, 1763—1825.

¹² Парадоксальным результатом этих известных допущений было то, что даже в случаях, когда Канне нащупывал верные этимологии, конечный результат был всё же отрицательным. Так, он обнаруживает родство санскритского *ved-* (откуда название «Веды») с обозначением знания / видения в греческом, латинском, германском и славянском, однако сам всё разрушает, заявляя, что начальное *v-* в данном случае лишь прибавление, а исходный корень имеет форму *adah/ad/od/ath/eth/ed* и означает «огонь», а соотносится он

Начиная свои мифологические исследования, Якоб Гримм явно не избегал вдохновляющего влияния Канне. В уже упомянутой статье «Мысли о мифе, эпосе и истории» он не только ссылается на Канне, но и предпринимает попытку толкования имен и слов в подобном же духе, погружаясь в такой же бесконечный водоворот сопоставлений на основании то созвучий, то смысловой близости: «Уже от поверхностного взгляда не укроется сходство собственных имен Tell, Bell, Bellent, Bellerophon» (*Gedanken über Mythos*, S. 59), при этом Телль далее успешно соотносится с Телемахом, а Bell- с греч. βέλως и т. д. Но не стоит торопиться заносить все эти этюды в разряд заблуждений. Дело обстоит сложнее и интереснее.

В позиции Канне были моменты, которые в исторической перспективе стоит отнести к позитивным. Во-первых, это признание самоценности мифа как определенного ментального состояния человека, как ступени историко-культурного процесса, этапа, который не может быть просто отброшен со временем как заблуждение, заменяемое более «верным» и «современным» взглядом на мир. Во-вторых, это стремление реконструировать внутреннюю логику мифа: да, современному человеку в мифологии многое может показаться нелепостью, но ведь ход мысли древних был иной, и если понять этот ход мысли, то взгляд на мир, предлагаемый мифологией, по-своему достаточно последователен и адекватен. В-третьих, это признание тесной связи мифа и языка, так как «в языке вообще заключена идея первобытного мира», а потому «исследования языка и исследования мифологии никогда не разойдутся» (*Kanne, Erste Urkunden*, S. 71).

При этом реализация в целом позитивных принципов была отягощена рядом негативных обстоятельств. Признание самоценности и внутренней логичности мифа сопровождалось тем, что исследователь в стремлении реконструировать доисторическое состояние утопал в логике мифа: он уподоблялся мифотворцу, утрачивая внешнюю, историческую точку отсчета, позволяющую, помимо прочего, избегать ценностного подхода, ухода в утопию и мистику. Далее, мифология Канне оказывалась слишком «всеобщей»: в ней смешивались типологические и генетические моменты, сходство выдавалось за доказательство родства и материальной связи. Отрыв мифа от истории приводил к тому, что реконструкция лишалась многослойности: на каждом шагу исследователь тут же проваливался в бездонное «доисторическое» состояние, так что выделить в ходе реконструкции некоторую последовательность хронологических пластов не представлялось возможным, что опять-таки блокировало строгое выявление генетических связей. Наконец, связь мифа и языка оказывалась, в сущности, тождеством, а это лишало язык как семиотическую

с древнееврейским *שן* «огонь». Таким образом, фрагмент достоверного знания оказывается включенным в водоворот произвольных сопоставлений, не позволяющих выстраивать систематические отношения между звуковым строем языков и реконструировать подлинное развитие семантики (*Kanne, Erste Urkunden...* S. 407—408).

структуру собственных закономерностей (Канне понимал необходимость учета этих закономерностей и, как ему казалось, даже учитывал их, но общая методика его рассуждений в результате разрушала собственно языковую структурированность).

Следуя за Канне, Гримм неизбежно попадал в те же ловушки. Помощь пришла неожиданным образом из того же романтического лагеря, в очередной раз демонстрируя, насколько широк был творческий потенциал немецкого романтизма. В 1815 году Август Вильгельм Шлегель публикует рецензию на первый том «Древненемецких лесов» братьев Гримм. Уже тот факт, что опытный и признанный филолог посвящает новому изданию сорок страниц внимательного анализа, говорит о значении, которое он придает деятельности Гриммов.

Шлегель замечает в качестве недостатков в публикациях журнала в основном то, что было слабой стороной у Канне, в частности, смешение типологических и историко-генетических моментов в анализе древних источников, увлечение мифотворчеством, отсутствие четкой хронологической стратификации. Особый пункт критики — этимологические изыскания братьев Гримм. Один из пассажей у Якоба Гримма Шлегель насмешливо именует «этимологическим дифирамбом», отказывая ему тем самым во всякой научности. Не без колкости Шлегель напоминает ставшую к тому времени общим местом шутку об этимологии как псевдонауке, в которой гласные не значат ничего, а согласные — крайне мало. Он не ограничивается только критикой, но и предлагает работать над исторической грамматикой немецкого языка (и германских языков вообще), в том числе и в сравнении с родственными языками. Справедливости ради Шлегель отмечает (и это вполне подтвердила история науки), что выявленные им недостатки во многом не недостатки отдельных ученых, а состояние немецкой науки в целом, которой предстоит еще немало сделать в области истории языка и словесности.

В отличие от Вильгельма, опубликовавшего довольно раздраженный ответ на критику Шлегеля, Якоб — по крайней мере внешне — не ответил никак. Однако несколько лет спустя, в 1819 году, появляется первый том его «Немецкой грамматики»¹³, который еще через три года выходит вторым изданием (по сути это переработанный, увеличенный на треть вариант)¹⁴. В обоих вариантах том посвящен Савиньи (понятный жест, и всё же примечателен факт посвящения грамматики правоведу и политику), и по своей направленности книга может считаться позитивным ответом братьям Шлегель, которые в начале XIX века в ряде публикаций (прежде всего это книга Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» 1808 года) указали на важность грамматики в исследованиях по истории

¹³ *Grimm J. Deutsche Grammatik. Erster Theil. Göttingen: in der Dieterichschen Buchhandlung, 1819.*

¹⁴ *Grimm J. Deutsche Grammatik. Erster Theil; Zweite Ausgabe. Göttingen: in der Dieterichschen Buchhandlung, 1822.*

и генеалогии языков (неудивительно, что Август Вильгельм Шлегель весьма позитивно оценил появление «Грамматики» Гримма).

Грамматический труд Гримма стал одним из краеугольных камней германистики как самостоятельной научной дисциплины. Он был заявлен как грамматика историческая, и этот момент был чрезвычайно важен в ситуации науки начала XIX века.

Сегодня эпитет «исторический» в приложении к научным исследованиям обозначает работы, в которых реальность рассматривается как процесс (и упорядочивается в соответствии с некоторой временной шкалой). В XVIII веке (как и ранее) «исторический» означало еще (а в некоторых случаях и скорее) «эмпирический». В согласии с общими методологическими установками исследования «исторические», то есть исходящие из фактических данных, рассматривались как менее значимые и ценные, нежели исследования «философские», исходящие из некоторых общезначимых, рациональных принципов. Отсюда высокая оценка попыток создания разного рода философских грамматик и дискриминация работ исторических, характеристика которых часто сопровождалась ограничительным «всего лишь исторический». Такая установка постепенно размывалась, поскольку чем дальше, тем яснее становилось, что без опоры на фактическую основу развивать гуманитарную науку невозможно. Но и здесь настоящий поворот во многом был связан с романтизмом, который с самого начала призывал отказаться от разного рода априорных, догматических схем и опираться на живую реальность, как раз и представленную в истории. Неслучайно посвящение Савиньи в первом издании грамматики Гримма завершается словами: «История живописи, поэзии и языка учит избегать многих ложных путей, ибо показывает нам, что истина во все времена являлась тем, кто следовал природе, избегая человеческих школьных премудростей. Учиться у таковой природной мудрости из нашей отечественной истории, насколько хватит моих сил, и учиться непрестанно — вот мое наивысшее устремление» (IX).

В своей исторической ориентации романтическая наука открывала XIX век как век истории, в котором изучение общества было задачей дисциплин, опирающихся на отработанную эмпирическую базу, отталкиваясь от которой они формулировали общие закономерности общества. СобираТЕЛЬСКИЙ азарт, с которого начинали романтики и который представлялся первоначально скорее мечтательным увлечением, всё больше обращался в систематическую фактологическую деятельность, необходимую для построения новой науки. Грамматика как нельзя лучше подходила для этого в качестве модельной дисциплины, поскольку сами языковые факты при последовательном рассмотрении подсказывали здесь закономерности. Неслучайно Гримм переделывал первый том своей грамматики: логика фактов заставила его ввести в грамматику фонетический раздел и завершить формулирование соответствующего звукового закона, который иногда называют «законом Гримма», а у нас чаще всего общегерманским передвижением согласных.

Получив такой опыт, Якоб Гримм задумался о своего рода грамматике мифологии, о том, чтобы, как и в изучении языка, перейти от интуитивного вдохновения к более трезвому и систематическому обращению с данными реальности. Нечто похожее он уже проделал с древним правом. Конечно, мифология — не грамматика, и не всегда ее данные можно выстроить в парадигмы. Но здесь важна установка. В помощь была и полученная в грамматической работе методика собственно исторического исследования: последовательный разбор хронологических слоев, реконструкция утраченного целого по позднейшим его реликтам. При всем этом эмоциональный порыв Якоба Гримма не уходит, его манера изложения всё так же своеобразна, как и в молодые годы, но теперь ему удастся соединить свой эмоциональный настрой, свою преданность избранному в юности делу с достаточно строгой дисциплиной — во всех смыслах этого слова.

Мифология, история и идеология

Рубеж XVIII—XIX веков был в немецких землях не только модернизационным переломом, но и временем, когда особенно остро обозначился вопрос формирования немецкой нации. В глубинном плане эти процессы связаны, но на поверхности конкретных событий и судеб нередко вступают в противоречие, образуя временами причудливые конфигурации. После окончательного распада Священной римской империи в 1806 году в центре Европы образовалось множество в основном небольших, а то и карликовых государств, жители которых могли составить одну нацию, но вопрос о том, каким образом она будет создаваться, был неясен. Германия заслужила прозвище «опоздавшей нации» не случайно. Ряд народов Европы прошел эту стадию гораздо раньше, а в XIX веке процессы формирования нации стали во многих отношениях сложнее.

Язык и культура на протяжении длительного времени были основой идентичности немцев как единого народа, даже если в политическом отношении они оказывались разделенными или объединенными достаточно формально. Деятели культуры, образования и науки в этих условиях играли чрезвычайно важную роль. Не менее важна была их роль в процессе объединения Германии в XIX веке. Братья Гримм не были политиками, но и полностью исключать их деятельность из движения к единству Германии было бы несправедливо. Их позиция, как и позиция их единомышленников, была важна в тех условиях. Они отстаивали своеобразие немецкого народа и немецкой культуры, ценность немецкого исторического наследия, но при этом в собственно политическом плане занимали позиции, близкие к либерально-демократическому направлению сторонников объединения. Это может показаться парадоксом, но и Гёттингенский протест, и предложение Якоба Гримма во Франкфуртском национальном собрании 1848 года включить в проект конституции положение, согласно которому немецкий народ — народ свободных людей, а немецкая земля не терпит рабства,

достаточно ясно говорят о том, что его приверженность традициям немецкого народа и немецкой культуры, его погружение в архаику не мешали ему занимать достаточно демократическую позицию. Разумеется, его взгляд в прошлое не был свободен от некоторой идеализации, а общее представление о возможностях немецкого единства — некоторого утопизма. И нет сомнения, что Якоб Гримм не был революционным демократом. Но и считать его участие в событиях 1848—1849 годов случайностью тоже не стоит. Ведь и в предисловии к «Немецкому словарю» в 1854 году Якоб Гримм вспоминает как о событиях 1837 года, так и о несбывшихся надеждах и перипетиях 1848 года и продолжает размышлять о единстве немецкого народа.

Признание ценности народной культуры, народных традиций, народного языка было длительным процессом. «Народное» могло отождествляться с «простонародным» и потому не представляющим ценности. Диалекты, например, могли рассматриваться либо как курьез, либо как «испорченный» язык и потому не считались культурным достоянием. Точно так же народное творчество могли считать просто дурной копией «настоящей», высокой культуры. Еще братья Гримм в своем издании сказок посчитали необходимым специально отметить, что народные сказки предшествуют сказкам литературным, а не наоборот, потому что существовало мнение, будто сказки сочинил Шарль Перро, а то, что рассказывают в народе, — всего лишь их неумелый пересказ. Переломным рубежом здесь стали предромантические («Буря и натиск») и романтические тенденции, но и в их рамках сдвиги происходили не сразу.

Об изменении отношения к мифологии и ее производным, таким, как эпические сказания и предания, уже говорилось. Определенную роль сыграла своего рода реабилитация Средневековья и средневековой культуры, активными участниками которой были Людвиг Тик и Новалис. Йозеф Гёррес (Johann Joseph Görres, 1776—1848), в свою очередь, реабилитирует так называемые народные книги¹⁵. Однако Фридрих Шлегель, например, изначально ориентировался на классическую древность и в 1800 году в «Разговоре о поэзии» совершенно ясно связывал начало европейской (а значит, и немецкой литературы) с Гомером и дальнейшим развитием античной литературы — древних германцев и немецкого Средневековья в его общей картине развития поэзии еще практически не было. Так же и исследователи мифологии начала XIX века, такие как Канне, Крейцер или тот же Гёррес, обращали внимание скорее на античную мифологию или мифологию Востока, а не на реликты германской мифологии.

Хотя становление Якоба Гримма как идеолога национального единства шло во многом в русле романтического движения, в этом неоднородном и изменчивом контексте он более ясно обозначил свою ориентацию на народные и национальные традиции. Уже в своих мыслях об отношении сказания к поэзии и истории (1808) Якоб Гримм замечает, что если греки признавали Гомера от-

¹⁵ Görres J. Die teutschen Volksbücher. Heidelberg: bey Mohr und Zimmer, 1807.

цом своей истории, то немцы слишком долго шли к открытию того факта, что истоки их истории содержатся в «Песни о Нибелунгах». Точно так же Гримм утверждал ценность германской мифологии наряду с ценностью ранее признанных мифологических традиций.

Поскольку формирование национальной идеологии — это формирование национальной истории, истории национального языка и национальной культуры, то участникам такой работы приходится выстраивать соответствующие линии и проводить границы, отмечая, где начинается, скажем, история немецкого языка, поскольку в ее истоках обнаруживается группа германских племен, говорящих на близкородственных языках-наречиях, ни одно из которых не может считаться «собственно» немецким, и определение какой-то линии, от которой начинает отсчитываться «собственно» немецкий язык, вряд ли может осуществляться по каким-либо чисто объективным признакам. Сам Якоб Гримм демонстрировал на протяжении жизни относительность таких границ, используя слово *deutsch* то в смысле «германский» (*Deutsche Grammatik*), то в смысле «немецкий» (*Deutsches Wörterbuch*). Парадоксальная языковая зыбкость границ национального отразилась, например, и в том факте, что на съезде *германистов* (*Germanistentag*) Вильгельм Гримм выступал с докладом о работе над «Немецким словарем».

Еще один парадокс роли Якоба Гримма в истории науки заключается в том, что в своей работе по созданию национальной филологии (сознательной и целенаправленной) он не только создавал именно немецкую национальную филологию, но и моделировал европейскую (а в принципе, и не только европейскую) национальную филологию как таковую. Будучи искренним немецким патриотом, Якоб Гримм с интересом относился к языкам и культурам давних соседей германцев: кельтов, славян, финнов. Схождения и различия культур позволяли полнее понимать историко-культурные процессы, выстраивать исторические, ареальные, типологические отношения. Преследуя формально частные цели, Якоб Гримм, в сущности, выстраивал общую методологию гуманитарной науки, опирающейся на историю культуры. В результате многие национальные филологические традиции создавались по образцу деятельности Гримма и его немецких коллег. Это имеет прямое отношение к России: в частности, один из основателей русской национальной филологии, Федор Иванович Буслаев, называл Якоба Гримма ученым, на работы которого он ориентировался.

Якоб Гримм — яркий случай одного из периодов истории науки, которые иногда называют героическими. Это такие ситуации, когда от ученого требуются самостоятельность и даже смелость в расставании с привычным и поисках нового, в столкновении с неизвестным и построении прежде небывалого. Якоб Гримм вполне обладал такими чертами характера. Судьба не всегда была к нему благосклонна, но он упорно двигался по избранному пути. При этом он вполне критично относился к самому себе: он постоянно возвращался к сделанному и осмыслял его заново, его работы во втором и третьем изданиях, как правило,

оказываются существенно дополненными и переработанными. Это обстоятельство в полной мере относится и к «Германской мифологии», которую он пополнял и дорабатывал от издания к изданию. Он был настоящим исследователем, жизнь которого представляла собой непрерывный поиск истины.

Чтение созданного Якобом Гриммом — задача порой непростая, но чрезвычайно увлекательная. Это речь эмоциональная, речь увлеченного до предела человека, и в то же время человека, тщательно продумывающего буквально каждую букву написанного. Можно только пожалеть, что у нас есть лишь фотография Якоба Гримма, но нет записи его голоса, так что мы не можем услышать, как он говорил. Однако когда читаешь его, то кажется, будто голос Гримма всё же слышится. Перевод (как и всегда) не может полностью передать тот своеобразный язык (включая и орфографию, которая у него тоже была своя), на котором его труды написаны. И всё же возможность прикоснуться к этому памятнику, оставленному великим человеком, — настоящее событие для нашей культуры.

Сергей Ромашко

«Германская мифология» во времени и языке

Предисловие переводчика

Между первым письмом, выведенным рукой четырехлетнего Якоба Гримма («Желаю Вам счастья, дорогой отец...»¹) и последними словами, написанными для «Словаря немецкого языка» («...у славян сохранилось слово *плод*, у литовцев — *vaisus*, у латышей — *auglis*»²), — 74 года жизни, в зрелые годы заполненной научными спорами, путешествиями, политической борьбой, — и, разумеется, непрерывной, ежедневной работой.

Количество написанного Якобом Гриммом таково, что сводный каталог его рукописей занимает около 700 страниц³. Работы его охватывают широчайший круг тем: Гримм обращался и к великому, и к малому, в его трудах с равной степенью обстоятельности рассматривается то тысячелетнее мировоззренческое становление целых народов, то, скажем, слова женского рода, ставшие мужскими именами. Практически все, кто писал о творчестве Гримма, обращали внимание на любовь этого автора к мелочам; он сам многократно подчеркивал, что никакое серьезное исследование невозможно без внимания к тому, «что представляется ничтожным»:

Работа естествоиспытателей доказывает, что малейшее бывает ключом к величайшему; необходимо понять, почему определяющие черты нашей древности стираются, а нечто мелкое и, как представляется на первый взгляд, случайное в скрытом виде остается навсегда [3, S. VII].

Неудивительно, что именно Гримм стал первым ученым, обратившимся к теме германской мифологии: реликтовой, сохранившейся лишь в малейшем и требующей нечеловеческого внимания к деталям. «Религия у них заключается,

---

¹ Неопубликованное письмо от 19 сентября 1789 года (день рождения Филиппа Вильгельма Гримма; Якоб желает отцу «многих лет жизни», однако после 1789 года тот не прожил и семи лет); письмо хранится в Марбурге, в Гессенском государственном архиве.

² Как пишет Карл Вейганд, «...на этих словах Якоб Гримм, увы, навсегда отложил перо» [1, S. 259]. Герман Герстнер усматривает особый символизм в том, что Гримм умер во время работы над словарной статьей о слове «Frucht»: «...словом “плод” он закончил свою многолетнюю работу над “Словарем” и свою работу вообще» [2, с. 251].

³ При том, что чистовые рукописи, предназначенные для типографии, по тогдашней традиции, уничтожались.

главным образом, в вещах малозначительных» [3, S. XLI], — говорит Плиний Старший о галлах: для Гримма это становится обобщающей цитатой, суммирующей метод.

Обращение Я. Гримма к мифологии, пожалуй, тесно связано с той стороной его деятельности, которая в мире известна шире всего: с собиранием сказок. Работа Гримма со сказками имела, во многом, определяющее значение: во-первых, при записи и обработке текстов Гримм научился ценить историческую ценность диалектов — как известно, он был противником литературной обработки фольклорного материала и предлагал рассматривать источник именно в том виде, как он живет в народе⁴. Во-вторых, в самом материале, как считал Якоб Гримм, просвечивала германская мифическая старина. Он писал:

Книга сказок написана не для детей... Я не работал бы над ней с таким удовольствием, если бы не осознавал ее значения для взрослых: для поэзии, для мифологии, для истории [5, S. 281]⁵.

Работа братьев Гримм фактически легализовала в Европе фольклористику как науку, — до того это считалось делом неблагодарным⁶, — и породила целую волну этнографических исследований во всех соседствующих странах (практически все собрания сказок и легенд, на которые Гримм ссылается во втором издании «Мифологии», — а изданий таких — несколько десятков! — созданы под влиянием работы самих Гриммов: и фольклористской, и мифологической).

В современном мире Якоб Гримм — типичный автор «для всех и ни для кого»⁷. С одной стороны, его имя и вклад в науку общеизвестны, с другой —

---

⁴ В 1813 году, сразу после выхода первого издания «Детских и домашних сказок», Ахим фон Арним писал Гримму: «...для современного ребенка многие диалектные обороты (из этого сборника) просто не понятны» [4, S. 263]; Гримм отвечал, что это неизбежно и что в этом есть даже определенная прелесть: «...непонятные слова и обороты можно пропускать и оставлять на потом» [4, S. 271].

⁵ Макс Мюллер, не зная об этом письме Гримма, говорил о гриммовском сборнике сказок почти дословно то же самое.

⁶ Скажем, выход «Волшебного рога мальчика», — сборника песен, подготовленного фон Арнимом и Брентано, — был встречен сокрушительной критикой практически со всех сторон.

⁷ Не всякий даже соотнесет Якоба Гримма с братьями Гримм: образы Якоба и Вильгельма (совместно издавших и написавших сравнительно немного) в общественном сознании слились и объединились, что иногда приводит к казусам. Например, Бернард Шоу считал самым занимательным писателем Германии «автора «Сказок Гримма»»; «...Шоу, — говорит Томас Манн, — видимо, неизвестно, что этот «Гримм» состоял из двух лиц, братьев Якоба и Вильгельма, романтически восторженных любителей немецкой старины» [6, с. 447]. До сих пор в научно-исследовательской литературе можно столкнуться с упоминаниями о «Германской мифологии» или «Немецких героических сказаниях» *братьев*

известность эта (по крайней мере, в русскоязычной среде) в целом не подразумевает знакомства с собственно авторскими трудами. Из огромного научного наследия Гримма на русский целиком не переведено решительно ничего — за исключением небольших заметок и фрагментов из крупных сочинений. В этом отношении выбор труда для первого полного русского перевода довольно очевиден. Из всех работ, составляющих ядро наследия Гримма, «Германская мифология», пожалуй, обращена к наиболее широкому кругу читателей: лингвистика становится здесь инструментом культурологии⁸.

Эта книга, как и любое революционное произведение, стала итогом, разрешением многолетней аккумуляции фактов, стала рывком после многих осторожных подступов: ее появлению предшествовало, в первую очередь, то повышенное внимание, какое мифологии стали уделять немецкие романтики. Работы Иоганна Гердера, братьев Шлегелей, Новалиса в научно-методологическом отношении не имели на Гримма практически никакого влияния⁹ — и все же сам импульс, сама идея об обращении взгляда к родным древностям и народному творчеству происходят от романтиков и восходят к ним¹⁰. Гримм, со своей стороны, полностью вывел мифологию из-под гнета философии¹¹:

Гримм (хотя в действительности первый труд принадлежит Якобу, а второй — Вильгельму Гримму).

⁸ Рихард Вагнер, например, говорил, что языкознание вообще заинтересовало его только благодаря той неожиданной (по крайней мере, для XIX века) *антропологической* (у Вагнера: «physiologisch-philosophische» [7, S. 20]) стороне, какую открыл в этой науке Якоб Гримм.

⁹ Разве что идею Гердера о вечном народном духе, выражающемся в фольклоре, Гримм подхватил и вывел на новый уровень. Еще одним прямым предшественником Гримма был датский ученый Николай Грундтвиг: его «Nordens Mytologi» (1808) — это крайне важный труд своего времени, хорошо известный Гримму и оказавший на него некоторое влияние. Разумеется, можно выявить отдельные точки соприкосновения между сравнительно-историческими идеями Гримма и Йозефа Гёрреса (хотя предметы их исследований различались, и азиатский, индогерманский уклон Гёрреса не вполне характерен для Гримма: он тоже осторожно сравнивает германские сказания с индуистскими мифами, однако для Гримма это сравнение никогда не становится камнем преткновения), между этимологизмом Гримма и поиском корней для «всеобщей мифологии» у Иоганна Канне (впрочем, о временах до переселения народов Гримм говорит однозначно: в эту «немыслимую историческую глубину, — пишет он, — не может проникнуть ни один исследователь»; Гримм, в отличие от своих предшественников — филолог-германист, не философ и не искатель праречий: от тенденций раннего XIX века Гримм отвернулся и создал вместо них свои).

¹⁰ Работы классических филологов (например, Фридриха Кройцера) в методологическом отношении тоже не вполне связуемы с трудом Гримма: греко-римская мифология как предмет исследования отличается от мифологии «варварской» во всех аспектах — в первую очередь, это работа с радикально разнящимися типами источников.

¹¹ М. С. Куторга говорит о гриммовских «Древностях права», что они «...как сочинение критическое, приводят читателя в изумление; автор отыскал и восстановил множество

исследовательская парадигма у него кардинально меняется, и всё романтическое прогорает, дав только первичный запал¹². Мифология по Гримму — строгая дисциплина, полностью параллельная лингвистике и юриспруденции: поэзия и история, поэзия и язык, поэзия и право — всё это у Гримма рассматривается как почти неделимое целое, как краеугольные камни народного самосознания. Гримм неоднократно подчеркивал, что три основополагающие темы, которые он разрабатывал всю жизнь, — язык, право и мифология — фактически представляют собой три раздела единой науки («Мои труды оказались взаимосвязаны, доказательством одного вдруг поддерживалось и что-то еще, одним обоснованием подтверждалось сразу и нечто другое» [3, S. XLI], — говорит Гримм в предисловии к «Мифологии»).

Первое сочинение Якоба Гримма, посвященное германской мифологии, увидело свет еще в 1815 году (тогда же вышел второй том «Детских и домашних сказок» — в первом издании) и, соответственно, на 20 лет предшествовало

предметов или вовсе неизвестных, или ложно понимаемых, определил их значение и исчислил их с необыкновенной ученостью и точностью...»; тем не менее, книга не совсем удовлетворительна «как труд умозрительный, философский» [8, с. 6]. Дело, однако, в том, что Гримм видел назначение своей работы именно в том, чтобы освободить германскую древность от бесконечного философствования классиков и романтиков; ср. со словами Гримма из главы I: «Неполнота и недостаточная связность восстановленного материала неплохо защищают меня от той ошибки, которая часто портит исследования скандинавской и греческой мифологий: имею в виду привычку разбавлять полуизвестные исторические данные пространными философскими или астрономическими интерпретациями» [3, S. 10]. В том, что касается скандинавской мифологии, Гримм здесь совершенно точно имеет в виду комментарии Финна Магнусена к «Старшей Эдде», наполненные разного рода интердисциплинарными толкованиями.

¹² Ср. со словами Рудольфа Гайма: «Все предшествовавшие возникновению новой школы исследования старинного немецкого языка и старинной немецкой литературы были лишь приготовительной работой и потому не приводили ни к каким прочным результатам. До половины восемнадцатого столетия труды этого рода предпринимались только урывками и не из любви к самому делу, а по каким-нибудь посторонним соображениям. Потом они вошли в связь с изучением немецкой литературы, но были очень незначительны» [9, с. 750]. Весьма характерно, что Гайм в своем фундаментальном исследовании о романтиках вообще не упоминает Гримма: его труды определенно принадлежат другой эпохе. Вообще, отношение Гримма к его предшественникам-романтикам было двояким: с одной стороны, методологически Гримм (сторонник строго научного подхода и ценитель исконной древности) был полным антагонистом романтиков (во всем оставшихся в первую очередь поэтами и считавших, — и то лишь в поздние годы, — немецкое средневековье скорее источником вдохновения, чем самостоятельной ценностью); с другой же стороны, именно работа романтиков (а именно — составленный Людвигом Тиком сборник средневерхне-немецкой поэзии, первый в своем роде) повернула Гримма-юриста к филологии. Интересно, что тот же Тик в более ранние годы советовал Вильгельму Ваккенродеру «не портить себе вкус» немецким средневековьем [см. 9, с. 751].

появлению «Германской мифологии»¹³, основного труда на эту тему: речь идет о статье «Дорога и столпы Ирмина» («Eine mythologische Abhandlung von Jacob Grimm» [10]). Статья эта посвящена вестфальскому, нижнесаксонскому культу Ирмина-Иринга и всему, что с ним соотносится, — ирминсулям, «столпам Роланда», земной «дороге Ирмина» как отражению небесного, галактического пути. Каждая из этих тем подхвачена и подробно разработана в «Мифологии» (см. главы III, XV, XXII), но свое историческое значение статья 1815 года несомненно сохраняет: из нее ясно, что уже в ранние годы Гримм не только обращался к мифологии, но и во всех основных чертах выработал свой метод, свой подход к этому предмету, практически во всем не зависимый от господствовавших тогда методик¹⁴.

Один из центральных концептуальных тезисов Гримма, во многом предвосхищающий антропологию XX века, заключается в том, что ни один народ, обладающий языком, не может пребывать в состоянии «смутного, безрадостного варварства» и совершенно неизбежно обзаводится естественной поэзией (ср. с «натур-эпосом» Шеллинга) и мифологией. Вообще, в работе Гримма обнаруживается немало любопытных параллелей с методами тех мифологических школ, которые сложились существенно позже: Гримм, словно структуралист, выделяет в мифах фундаментальные бинарные оппозиции (что проявляется даже в названиях некоторых глав — ср. с главами XXIII и XXIV: «День и ночь», «Лето и зима»); словно ритуалист, он напрямую связывает содержание мифов с общественной и жреческой культовой практиками (более того: главы, посвященные ритуалу (III—V), предшествуют у Гримма главам о мифе); Гримм усматривает взаимопроникновение мифов и социальных норм (в частности, статус женщины в германском обществе он многократно соотносит с мифологической иерархией женских божеств и «вещих жен»), что можно сопоставить с методом поздних функционалистов; от гриммовской концепции мифологии как поэтизации мировоззренческих констант — один шаг до идеи об архетипах и народном бессознательном.

Достаточно интересен сам подход Гримма к языческому многобожию как некоему, по выражению Г. Честертона, «нагромождению монотеизмов». Можно сказать, что Гримм, выделяя многочисленные языческие пережитки в христианском предании, усматривал частицу монотеизма и в самом язычестве. Древние боги не бессмертны и подвержены старению (этот вопрос Гримм подробно рассматривает в главе XIV «Мифологии»), и потому они, подобно людям, начинают целые роды молодых богов и полубогов-героев («...происхождение

¹³ Первые упоминания о готовящемся крупном труде, посвященном мифологии, в письмах Гримма относятся к 1832 году.

¹⁴ В 1817 году вышла брошюра Фридриха фон дер Хагена «Irmin, seine Säule, seine Strasse und sein Wagen», в значительной степени повторяющая исследование Гримма на ту же тему.

героев весьма сходно с генезисом самого политеизма», — говорит Гримм в главе XV [3, S. 318]): в каждом поколении старый отец обновляется, вновь рождая самого себя; таким образом, всё многообразие богов можно редуцировать до единой творящей силы, и Гримм даже находит *имя* такой силы: «...вся совокупность благодати и блаженства, вся полнота дарованного свыше выражалась в древнем языке германцев одним словом» [3, S. 114], и это слово — *Wunsch* («*wunisc, wunsc* — всестороннее совершенство: то, что можно назвать идеалом» [3, S. 114]); всех богов и героев Гримм рассматривает только как производные от этой глобальной идеи Совершенства-Желания, центральным воплощением которой в германском пантеоне был верховный бог Вотан.

Такая индукция богов и героев к пантократической созидательной концепции (можно рассматривать ее как прообраз христианского бога или же просто как некий «мировой дух», двигатель человеческой истории) позволяет самому Гримму усматривать в бытовых традициях и древних речевых формулах не случайным образом сохранившиеся реликты «поганой веры», а некие вечноживущие аксиомы народного миропонимания. «Вполне серьезно задают вопрос, — пишет Гримм, — действительно ли существуют языческие боги? И я боюсь на этот вопрос отвечать» [3, S. XLI].

Нельзя не заметить, что отдельные фрагменты книги приобретают почти дидактическое звучание: Гримм указывает на положительные и отрицательные стороны древней веры¹⁵, на сильные и слабые стороны крестителей Германии; он называет непростительным то рвение, с которым первые христиане сменяли с лица земли языческие артефакты, и посвящает пассажи похвале лютеранству. В целом нужно подчеркнуть: такого рода оценки Гримм в «Мифологии» позволяет себе делать почти исключительно во вводной части (в Предисловии и первой главе), но нельзя всё же не вспомнить слова Германа Герстнера: «Якоб Гримм требовал, чтобы наука не только учила истине, но и, в случае необходимости, вставала на ее защиту» [2, с. 167].

Важно, что книга Гримма отличается не только высокой научностью, но и определенной поэтичностью (ср. с определением «выдающийся мастер поэтического языка» [2, с. 158]; Вильгельм Шерер говорил, что Гримм пишет о германских древностях, как о своем детстве [12, S. 686]¹⁶). Именно этим, наверное, и объясняется то волшебное воздействие, какое «Мифология» (даже будучи

---

¹⁵ Стоит сказать, что Гримм не в полной мере был склонен идеализировать германское язычество и рисовать его в исключительно «светлых и жизнеутверждающих тонах» [11, с. 278]; например, в главе III подробно рассматривается вопрос человеческих (в том числе детских) жертвоприношений, бытование которых у древних германцев Гримм считал «безусловно доказанным» [3, S. 36].

¹⁶ Можно вспомнить, что свою краткую автобиографию, написанную для энциклопедии немецкого искусства [13, S. 1—24], Гримм почти полностью посвящает не научным работам и открытиям, а воспоминаниям из детства.

тяжелой для чтения специализированной монографией) оказывала на людей искусства. Достаточно сказать, что именно под влиянием теорий и реконструкций Гримма родилось зрелое творчество Рихарда Вагнера. Читая «Германскую мифологию» тридцатилетний композитор, по его собственным словам, «пережил полное перерождение» [7, S. 272]. Интересно, что и Вагнер сравнивает чтение этой книги с обретением утраченного детства: «...в детях нас особенно восхищает и умиляет захватывающе-радостное первое, новое, молниеносное *узнавание* — точно так же и я устремил восхищенно засиявший взгляд на новый мир, чудесным образом открывавшийся познанию: мир, который до того я, как ребенок во чреве матери, лишь слепо предчувствовал» [7, S. 272]¹⁷.

В том, что касается художественной литературы, Якоб Гримм был противником переводов как таковых, как явления¹⁸. К переводам учебной и научной литературы, однако же, этот ученый и сам прикладывал руку (так, он перевел на немецкий «Сербскую грамматику» Вука Караджича); тем не менее, его собственные труды, почти все из которых еще при жизни автора заслужили международное признание, широко цитировались, обретали подражателей, критиков и продолжателей, переводами оказались, в глобальном смысле, обделены. В том, как работы Гриммов переводились на другие языки, прослеживается некая историческая ирония: их сборник сказок стал одной из самых переводимых книг в истории человечества, — хотя отношение Гримма-старшего к таким переводам известно, — в то время как их основные, нехудожественные работы переводятся крайне вяло и, чаще всего, — отрывочно.

Несмотря на это, от каждого крупного труда Гримма расходятся целые ветви, целые поколения новых ученых, вдохновившихся работой своего предшественника. «Мифология» — не только не исключение, но даже, вероятно, и лучший пример: воодушевившись начинанием Гримма, — а его работа на мифологическом поле была воспринята с почти всеобщим восхищением, — к мифологическим изысканиям обратились И. Вольф, А. Кун, Я. Буркхардт, А. Гольцман, К. Зимрок, В. Маннгардт, М. Мюллер... И это только немецкие ученые. Не меньшее влияние «Германская мифология» имела и за рубежом (даже в Скандинавии: там продолжателем Гримма стал, в частности, Виктор Рюдберг); в 1854 году Н. Г. Чернышевский писал о современных ему русских

---

¹⁷ Влиянию Гримма на Вагнера посвящена книга А. Прюфера «Richard Wagner und Jakob Grimm» [14].

¹⁸ Ср. со словами Гримма: «Переводчик подобен художнику, которому надлежит скопировать замечательную картину, но при этом пользоваться одним серым цветом: ну, скажем, потому, что заказчик не способен воспринимать никакого другого, — вообразим же себе, какой мучительный труд предстоит живописцу: при каждой линии, при каждом движении кисти он принужден думать, как бы сделать его полегче, понеприметнее. Это подводит ко второму пункту: почему переводят? На такой вопрос есть лишь один ответ — тот же, что на вопрос, почему создают поэзию, почему творят. Ответ: из потребности любить — по той самой причине, по какой бог создал мир» [15, с. 415].

ученых-славистах: «...все основные понятия, от которых исходят наши исследователи, принадлежат Гримму» [16, с. 370].

Несравненная значительность «Германской мифологии» проявилась, в частности, и в том, что после выхода своего исследования Гримм приобрел не только желанных (см. окончание главы I) продолжателей своего дела и не менее желанных критиков, но и откровенных эпигонов¹⁹: до сих пор обнаруживаются целые монографии, почти целиком повторяющие отдельные фрагменты из «Мифологии»²⁰.

Вполне естественно, что столь заметный труд приобрел своих убежденных критиков²¹. Критика эта полностью сложилась уже в XIX веке и ныне процветает в качестве хорошо забытого старого. Работы Б. Кельнер, В. Гартвиха и т. д. представляют собой, в сущности, сплошной плеоназм и многословное повторение критики М. Гаупта, В. Гольтера, В. Мюллера, В. Вакернагеля, К. Гёдеке (в России схожие взгляды излагал М. С. Куторга).

Не вдаваясь в перечисление однообразных тезисов и суммируя все существенные замечания, можно сказать, что недостатки «Германской мифологии» видят в следующем:

1) *Гримм регулярно пользуется средневековыми материалами, которые вряд ли можно считать достоверным источником в том, что касается германской древности.* Это замечание довольно формального характера: полное ознакомление с системой Гримма позволяет понять, что, во-первых, далеко не всё в мифологии он соотносит с древностью (см. ниже), во-вторых, система народных воззрений для него — явление целостное и непреходящее (теория

---

¹⁹ «[После «Германской мифологии»] невозделанных участков на этом поле не осталось <...> зато был дан импульс к составлению множества введений и хрестоматий, к бесконечному выкладыванию академических кирпичиков, не связанных общей архитектурой» [17, р. 18]. Ср. со словами Яна де Фриза: «Германская мифология» — это прекраснейший и самый значительный труд по данной теме: ученым последующих поколений остается лишь развивать, уточнять и продолжать работу Гримма, которая была и остается творением первого разряда. Нельзя не восхититься широтой взглядов Гримма, полнотой его источников, независимостью его суждений» [18].

²⁰ Лучшего источниковедческого труда в этой области так и не появилось, поэтому даже убежденные противники Гримма обычно опираются на ту же материальную базу, время от времени лишь добавляя, что «на самом деле» эти цитаты не доказывают гриммовских тезисов (ср., например, с. [19, р. 23]).

²¹ Разумеется, под критикой здесь имеется в виду научно обоснованное несогласие. Периодически против идей Гримма выдвигаются крайне субъективные и беспомощные возражения (например: в «мужском шовинизме», в желании «подкрепить мифологией тогдашнее социально-политическое устройство», в консерватизме и в протестантском либерализме одновременно и т. п.), авторы которых чаще всего прячутся за иллюзорной концепцией «современности»; в качестве экстремального примера можно привести нелепые филиппики Клауса фон Зее (см. его «Göttinger Sieben» [20]), обращенные уже даже не против идей, а против Гримма лично.

непрерывности). Кроме того, средневековыми источниками Гримм пользуется весьма аккуратно и всегда подчеркивает предположительность выводов, сделанных на этой основе. Античная литература тоже дошла до нас только в средневековых списках, что не делает ее менее аутентичной; старейшие скандинавские источники зафиксированы только в XIII веке, и это не повод от них отказаться; кроме того, народная вера и народное творчество и без письменной фиксации вполне способны веками сохраняться в неизменности (вспомним, что еще в XIX веке у некоторых азиатских народов певца могли казнить за произвольное изменение народного эпоса);

1^a) Гримм рассматривает сказки и сказания как пережитки древнейших народных представлений, хотя доказать эту взаимосвязь довольно затруднительно. В целом, этот пункт критики мало отчается от предыдущего: вопрос заключается только в том, насколько корректно производится отбор сведений (об этом сам Гримм подробно говорит в предисловии; «народные сказания — как нежные цветы: срывать и собирать их нужно с аккуратностью»), насколько точно авторские сочинения отделяются при этом от народного творчества (пусть даже по «эстетическим категориям», как говорит Л. Блум [21, S. 231])²². Разумеется, этот материал таит в себе много сложностей и может как приблизить к истине, так и отдалить от нее — но таково свойство этнографического материала вообще, что не является поводом полностью отказываться от исследования;

2) Гримм увлекается не всегда однозначными этимологическими изысканиями и полностью возводит мифологию к лингвистике; этот пункт критики, в частности, довольно смутно высказывает Дж. Толкин в своих комментариях к «Беовульф» [25, р. 267—268]. Этимология — наиболее точный из инструментов, имеющихся в распоряжении исследователя, занятого реконструкцией древней картины мира: тем не менее, разумеется, не все выводы Гримма одинаково тверды (одни его предположения не оправдались²³, другие он сразу выдвигает с осторожностью и оговорками). Стоит добавить, что во многих отношениях даже весьма пристрастные современные исследователи вынуждены признавать,

---

²² Собранные Гриммами сказки отдельные критики-радикалы пытались объявить псевдофольклором, собственным сочинением братьев, составленным на основе позднейших источников (см. [22]). Как отмечают К. Каменецки [23, р. 162, 320 ff.] и П. Баттас [24, р. 68], каждый из этих критиков, по странному совпадению, сам неоднократно попался на лжи, подделке фактов и логических уловках в аргументации.

²³ Это касается, в первую очередь, тех редких случаев, когда Гримм ступает на поле индогерманистики: санскритом он никогда специально не занимался и обычно его индоевропейские этимологии не вполне точны. В «недостаточном знании индийского языка» Гримма упрекал еще Франц Бопп [26, S. 120]: это несколько забавно, если учесть, что по части санскрита Гримм обычно полагался именно на работы самого Боппа. С другой стороны, во всем, что касается собственно германской этимологии, есть основания безусловно придерживаться толкований Гримма.

что «...общие тезисы Гримма о мифологии, выведенные из аналогий с языкознанием, по-прежнему неплохо выдерживают любую критику» [27, р. 183];

3) Гримм не обобщает сведений, не делает выводов и скрывается за калейдоскопической россыпью фактов; этот пункт критики особенно часто, с большим упорством высказывает Т. Шиппи, к нему же прибегает и У. Хунгер [28, S. 56]. Тем не менее, как представляется, это очередной «парадокс автора, находящийся в голове читателя»: повествование Гримма и вообще стиль его весьма извилисты, основная мысль обычно сопровождается множеством сопроводительных, одна идея подкрепляется десятью другими, а на одно утверждение приходится иногда, без преувеличения, несколько сотен цитат (умение Гримма сводить воедино гигантские корпуса доказательного материала приводило его современников в восхищение — ничего подобного не найти ни в одном из современных трудов). Разумеется, всё это усложняет восприятие авторской идеи и требует от читателя особых усилий: нежелание предпринять эти усилия несколько не оправдывает критиков и не умаляет работы Гримма. Замечания здесь происходят скорее от когнитивной (почти оптической) иллюзии: Гримм на самом деле может рассматривать сотни примеров ради одной строчки вывода, он действительно воздерживается от определенности там, где нет прямых документальных свидетельств, — но всё это скорее *возвышает* научную ценность книги, поскольку каждое решительное утверждение автора, — где он берется таковое сделать, — глубоко укоренено в кропотливой работе над доказательствами.

Сюда же следует отнести и еще одно мнение, бытующее в ученой среде: заключается оно в том, что у континентальных германцев, по мнению ряда исследователей, вообще не было сформировавшейся мифологии, и Гримм не воссоздает, а конструирует ее, руководствуясь более совершенным скандинавским материалом. Такая точка зрения — наиболее реакционная (в общем виде восходит еще к догриммовским временам); это ошибочное мнение столь убедительно развенчивается самим Гриммом в основном тексте «Мифологии» (см., в первую очередь, главу VI), что повторять его аргументы здесь не представляется необходимым²⁴;

---

²⁴ Крайне спорное, но от того не менее интересное мнение на этот счет высказывал Т. Н. Грановский в своих лекциях по истории Средневековья: «Обе мифологии [скандинавская и германская] выросли из одного корня, но последняя не определилась вполне, ее захватило среди ее развития переселение народов и христианство. Отсюда неопределенный, туманный характер германских божеств. У германцев религиозное сознание не успело перейти из непосредственности чувства в созерцание, не приняло пластической формы. Сам Иаков Гримм с его огромной ученостью, с его способностью оживотворять предметы, не мог доказать противного. По мере того как христианство усиливалось в Германии, скандинавский Север глубже погружался в язычество. У него полная мифология и теогония... Из всех германцев у одних только саксов несколько развитая мифология, потому что они позже всех приняли христианство, но до нас дошло мало памятников, и, кроме того, при

4) Кроме того, *Гримма часто рассматривают в общем контексте «мифологической школы»*, критикуя Макса Мюллера, Вильгельма Маннгардта, Александра Афанасьева и лишь по совокупности обращая те же аргументы против Гримма как основателя школы; впрочем, каждый из исследователей разрабатывал свою сторону проблемы, выдвигал свои методы и выводы. Вся концепция «мифологической школы» есть не более чем хрестоматийное упрощение, объединение отдельных учений постфактум, по формальным признакам. Лучшее доказательство этому содержится в самой гриммовской «Мифологии» — говоря об учении Мюллера, Гримм с долей иронии замечает, что этот исследователь «всё готов свести к небесам»; действительно, ключевая идея поздней «мифологической школы», а именно возведение мифологий к некоему центральному мифу (обычно — природному), была Гримму абсолютно чужда (ср. с тем, что он говорит о Финне Магнусене в главе XXIV). Для него «поэтические воззрения на природу» суть не более чем одна сторона мифа — одна из многих.

Несложно заметить, что все эти возражения отличаются идейной систематичностью: представители одной школы противостоят Гримму как представителю другой; отдельные ошибочные примеры есть у обеих сторон (при том, что у Гримма количество примеров исчисляется тысячами, а его противники обычно с большой опаской берутся за что-то конкретное), но никакого аргументационного превосходства у современных критиков Гримма нет; речь, повторим, идет о противостоянии школ, учений, идеологий. Например, Беата Кельнер²⁵ строит свою критику на том, что народной памяти в языке не существует, что «народ» (само это слово Кельнер обычно пишет в кавычках) — это понятие романтическое, иллюзорное и т. п. При этом действительно эфемерные общности, — вроде вышеупомянутой «мифологической школы», — фигурируют в такого рода исследованиях вполне полноправно.

враждебном отношении саксов к прочим германским племенам они могли только односторонне выразить свои религиозные идеи, и мнение саксов не есть немецкое» [29, с. 69—70]. Ср. у Гримма: «...история германской мифологии была искусственным образом прервана на очень ранней стадии, и потому наше язычество не породило всего того, что оно могло бы породить. Наши язык и поэзия тоже оказались ощутимо искажены и искорежены, что не помешало им сохраниться и дать новые побеги; языческую веру вырезали под корень, так что ее пережитки могли уцелеть лишь под прикрытием. Германское язычество может представляться грубым и шероховатым, но в этой грубости — простота, а в этой шероховатости — невинность» [3, S. XXXV—XXXVI].

²⁵ Ее диссертация, позже изданная под одиозным названием «Мифы Гримма» (см. раздел «Краткая библиография»), считается своеобразной библией критиков «Германской мифологии». Интересно, что ссылаются обычно не на отдельные аргументы Кельнер (в основном либо сомнительные, либо малозначительные), а на всю книгу в целом, будто сам факт ее существования составляет некий весомый довод.

Нельзя не добавить, что критика гриммовской «Мифологии» часто строится еще и на уязвленном чувстве национального (см. ниже об инкорпорирующем понятии «deutsch» у Гримма): в Дании и в Англии многие восприняли свое причисление к «немецкому» как вызов). Именно этим объясняется большая активность англичан на этом поле²⁶; так, составители сборника «Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous» даже упрекают немецких ученых в недостаточной резкости, в неготовности отвергнуть систему Гримма²⁷. Встречаются даже открытые свидетельства такого рода²⁸: «...ладно, Гримм, нидерландцев и датчан ты уже прибрал, но что с англичанами? Они тоже — deutsch? Им это не понравится, скажу я тебе. У нас большой флот, и нас лучше не злить» [32, р. 202]. Сам Гримм о том же говорит:

...всем народам по природе свойственно замыкаться, сторониться чужеземного. Язык и эпос каждого народа счастливо живут лишь в домашнем кругу; течение языка сохраняет чистоту и прозрачность лишь до тех пор, пока оно упирается в родные берега... Впрочем, река, впитывая чистую родниковую воду своих верховий, впадает в конечном итоге в бескрайний океан: когда народы соседствуют, то судьбы их неизбежно объединяются... [3, S. XIX]

Как показывает практика, те, кто привычно обвиняет Гримма в имперском мышлении (см., например, [33, S. 134]), сами в конечном итоге оказываются способны противопоставить ему только провинциальный, ограничительный национализм.

Особо следует отметить, что даже самые дотошные критики не берутся рассматривать работу Гримма в целом: например, Беата Кельнер анализирует всего две главы из «Мифологии» (VII, о Вотане, и XIII, о богинях), — хотя ее

---

²⁶ В Британии теории Гримма еще при жизни ученого столкнулись с неприятием, если не сказать с ненавистью; Джон Кембл и Бенджамин Торп как сторонники Гримма подвергались у себя на родине обструкции, личным нападкам, обвинениям в национальном предательстве (см. об этом в комментариях к главе V). Подробнее о восприятии Гримма в англоязычном мире см. статью Р. Тёрли «Nationalism and the Reception of Jacob Grimm's Deutsche Grammatik by English-speaking Audiences» [30].

²⁷ 3. Цайпс в своем исследовании о сказках и сказаниях, изданных Гриммами, тоже отмечает эту странную прихотливость современной критики: «...критике не хватает аналитического понимания творчества, волшебства, фантазии, а исследователи решительно не могут взглянуть за пределы — французских, английских — национальных границ» [31, р. XIV].

²⁸ Стоит отметить, что цитируется интервью, а не научный труд. Впрочем, здесь выражена вся соль британской критики, без маски беспристрастности, которую исследователь вынужден натягивать в научной работе. Добавим, что пример этот взят из слов ведущего англоязычного специалиста по Гримму: без комментариев, примечаний, предисловий Т. Шиппи, без ссылок на него не выходит ни одного гриммоведческого исследования на английском языке.

«Мифы Гримма» повсеместно представлены как анализ всей книги в целом; сборник «Mythology of the Monstrous» тоже посвящен, как явствует из названия, только двум главам из «Мифологии» (XVII, о вихрях и эльфах, и XVIII, о великанах).

Но для понимания «Германской мифологии» целостность — важнее всего. Несмотря на то, что исследование разделено на главы таким образом, что многие части его представляются самостоятельным целым, книгу *необходимо* рассматривать как эпистемологическую единицу. Потому, в частности, что таково лабиринтное мышление Гримма: к одной теме, к одному образу автор «Мифологии» может возвращаться многократно, из новых контекстов, с разных точек зрения (например, той же главой о Вотане далеко не исчерпывается всё то, что Гримм имеет сказать об этом божестве: главу VII необходимо рассматривать в едином поле с главами XIV, XV, XXXI; главу о богинях невозможно отделить от разделов о вещих женах, о девах-олицетворениях, о колдовстве).

Существенная часть критических замечаний упирается, впрочем, в само название книги. Оригинальный заголовок, — *Deutsche Mythologie*, — изначально составлен с долей провокации, и потому любое рассмотрение этой книги следует в обязательном порядке снабжать замечанием о терминологии.

Дело в том, что буквальный перевод названия — «Немецкая мифология» — вызывает множество вопросов и не вполне соотносится с предметом исследования (и в историческом, и в географическом планах). Особенно остро вопрос о «немецком» встает для современного читателя, уже отдалившегося от этимологии и не различающего связи между *Deutsch* и *Theodiscus*, «народным» языком в самом широком смысле. Для русского перевода эта проблема еще острее: слово «немецкий» никогда не соотносилось со всей группой германских народов; в русском языке оно обозначало либо всё иностранное в целом, либо, в современном использовании, — только то, что касается жителей Германии в средневековом и новейшем понимании.

Впервые Гримм использует слово «deutsch» для обозначения всего германского в названии своей «*Deutsche Grammatik*». Там же, в первом издании первого тома, Гримм дает развернутое объяснение такому словоупотреблению:

Как можно заметить, слово «немецкий» [deutsch] я использую в обобщенном смысле: в это понятие входят и скандинавские языки. Многие предпочли бы понятие «германский» [germanisch], в которое немецкое и скандинавское входили бы как частные случаи. Впрочем, скандинавские ученые теперь официально отказываются признавать свое племя германским, и мы не станем навязывать им это имя, почетное со времен римлян. Однако предлагаемый скандинавами термин «готский» тоже не годится: готы — это вполне определенный народ, и называть так же другие народы невозможно. Тогда остается только слово «deutsch» — оно достаточно общее и не обозначает какой-то один народ (о происхождении

этого термина здесь я говорить не буду²⁹). Скандинавы не называют себя *немцами* (и даже противопоставляются немцам), но это несущественная деталь: даже англичане, которые, как известно, происходят от англов и саксов, тоже уже не зовут себя ни немцами, ни германцами. Любое общее название подходит не для всех времен и не для всех стран, но для истории такие обобщения необходимы. Когда в тексте подчеркивается специфика того или иного языка, то разница понятна и без специальных пояснений [34, S. XXXVIII].

«Скандинавские ученые» здесь — это, собственно, Расмус Раск (о нем подробнее см. в комментариях к Предисловию). В 1809 году этот ученый подверг критике [35] Иоганна Аделунга, который впервые систематически причислил скандинавские языки к германским; Аделунг, во втором томе своего «Митридата», писал³⁰:

Я использую слово «германский» (как до меня делали и другие) в его самом широком смысле, так что оно охватывает происхождение, обычаи и языки всех тех взаимосвязанных народов, которые с самых ранних времен расселились от Дуная на юге до самого крайнего севера, от Рейна на западе до Вислы и даже дальше [36, S. 168].

Скандинавские языки, по Аделунгу, относятся к нижненемецкой (она же — саксонская, кимврская, восточная, северная) ветви германских языков, а по Раску их следует выделять в самостоятельную ветвь, поскольку они отличаются от нижненемецкого больше, чем он сам — от верхненемецкого (в частности, Раск, в связи со скандинавскими языками, упоминает об уникальной системе склонений, об особенностях клитик и так далее): «...не знаю, по какой причине Аделунг причисляет северные языки к германским — то ли это ложный национализм, то ли просто непростительное незнание скандинавских наречий» [35, S. 452] (Гримма Раск также обвиняет в «избыточном патриотизме»; идеи самого Раска о независимости скандинавской ветви языков имеют очевидно политический подтекст и связаны скорее с национальным самосознанием, чем с лингвистикой; при этом Раск имеет репутацию «рационалиста»³¹, противостоящего «романтикам»).

В 1811 году Раск продолжил эту линию: в своей ключевой работе «Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog» он повторяет свой тезис о независимости современных скандинавских языков от германской ветви, а для обозначения древнего семейственного единства этих наречий он вводит термин *gotisk*; готы, говорит Раск, — это единственное племя, которое, по достоверным сведениям, расселилось и к северу, и к югу от Балтийского моря; готский язык следует считать единственной связующей нитью между германскими и скандинавскими

²⁹ См. об этом главу XXIX («Germanen und Deutsche») из гриммовской «Geschichte der deutschen Sprache».

³⁰ Книга вышла посмертно, под редакцией Иоганна Фатера.

³¹ См. [37, S. 67].

языками, и, соответственно, всю семью уместнее всего называть *готской* [38, S. VII—VIII] (стоит добавить, что, несмотря на всё это, Раск не был склонен отождествлять готов со скандинавскими гётами и вообще не был готицистом). В письме Гримму, датированном 20 августа 1811 года, Раск, опять же, защищает свою теорию об автономности скандинавских наречий и убежденно настаивает на понятии «готские языки» [39, S. 95—97].

В 1818 году в свет выходит работа Раска «Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse», в которой эта классификация сформулирована в наиболее полном виде:

gotiske, «готские», — общее обозначение;
 nordiske, «нордические», — скандинавские языки;
 germaniske, «германские», — языки внутренней Германии, подразделяющиеся на saksisk и tysk, то есть нижне- и верхненемецкий [40].

Гримм категорически возражал против расширительного толкования понятия о «готском» (см. выше цитату из «Грамматики»); в рецензии на Расково «Введение в исландский» (написанной в 1811 году, то есть задолго до начала работы над «Мифологией») Гримм говорит:

В том, что касается языка и мифологии, Deutsch — лучший термин из имеющихся: мифы, как и языки, у нас и у скандинавов весьма близки (курсив наш. — Д. К.). В историческом контексте вполне можно использовать старинное слово thiotisch; непривычность этой устарелой формы скроет мнимую немецкую гордыню. К тому же, эта форма лучше соприкасается с северной традицией: слово thiod в древнескандинавском было так же распространено, как и у нас; шведов называли Suithiod, Ютландию — Thioda... [41, S. 68]

Впрочем, конструктивного диалога с Раском у Гримма не вышло: датский ученый продолжал крепко держаться за свою систему, не нашедшую, в сущности, никакой поддержки и ныне полностью отвергнутую: скандинавские языки безусловно принадлежат к германской ветви, а название «готский» вполне естественно закрепилось за языком готов. С выходом «Немецкой грамматики» Гримм прекращает попытки наладить контакты и установить компромиссную терминологию: он раз и навсегда отбрасывает термины thiotisch и germanisch и закрепляет за всем германским слово deutsch. После «Deutsche Grammatik» Гримм выпускает «Deutsche Rechtsalterthümer» и «Deutsche Mythologie», окончательно утверждая термин в различных областях знания³². См., например,

³² Стоит добавить, что в 1830 году в лондонском журнале «The Foreign Review and Continental Miscellany» вышла неподписанная рецензия на гриммовскую «Грамматику»: автор подчеркивает колоссальный вклад «профессора Раска», а затем рассуждает о месте «готских языков», которые Гримм «из одного патриотизма» называет словом deutsch. Как выяснилось шестью годами позже, автором рецензии был сам Раск — она перепечатана в его собрании сочинений [42].

у Людвиг Уландавего «Sagengeschichte der germanischen und romanischen Völker» (1831):

Якоб Гримм в своих выдающихся работах, охватывающих языки и обычаи всех германцев, — «Deutsche Grammatik» и «Deutsche Rechtsalterthümer», — использует слово *deutsch* в самом широком смысле... Гримм отказывается от термина *germanisch*, считая его недостаточно общим: для своих целей он вполне мог пользоваться словом *deutsch*, потому что он всегда ведет речь об определенных народах и языках (о готском, древнесаксонском, древнескандинавском и так далее)³³. Нам же, для наших целей, требуется коллективное обозначение всех взаимосвязанных (по языку и происхождению) народов, за исключением скандинавов... Потому мы обращаемся к термину *Germanen*, *germanisch*... [43, S. 468]

Как можно заметить, Уланд предлагает совершенно то же исключительное словоупотребление (германский = континентально-германский, без Скандинавии), какое потребуется Гримму для «Мифологии»; хотя наш автор и сохранил в этом случае слово «*deutsch*», аргумент Уланда достаточно интересен: слово *deutsch* может обозначать каждый из отдельных языков (народов, мифологических систем), но для их совокупного обозначения лучше подходит слово *germanisch*. В статье 1865 года с характерным названием «Что есть немецкое?» Рихард Вагнер пишет: «...как показал Якоб Гримм, *diutisk*, или *deutsch*, означает нечто *родное* для нас, причем *мы* здесь — это все говорящие на взаимопонятных языках» [2, S. 38].

Исследование Гримма посвящено воссозданию мифологической системы «внутренней», то есть континентальной, Германии: скандинавские мифы, как автор говорит во введении, используются им только в качестве системной опоры и объектом исследования не являются. В этом смысле описываемая Гриммом мифология — не всегерманская; здесь создается существенная историко-этнонимическая проблема: трактат охватывает мифологические представления племен и народов от глубокой древности до, приблизительно, XIII—XIV веков. Соответственно, речь постоянно заходит об ингевонах и других прагерманских племенах, о готах, об англосаксах — и, пожалуй, довольно странно по-русски называть *немецкой* культуру марсов и гамбриев, англов и фризов. Кроме того, даже по нынешним меркам, «внутренняя Германия» охватывает территорию нескольких стран (Германии, Австрии, Нидерландов, Швейцарии, часть Франции, часть Италии и так далее) — эпитет *немецкий* здесь некорректно сузил бы область исследования. Если понимать *немецкий* только лингвистически, то картина мало изменится: Гримм оперирует как верхне- и нижненемецкими языками (древними, средневековыми и новыми их вариантами), так и готским, древнеанглийским,

---

³³ Здесь коренится и ответ на возможный вопрос о том, почему «Мифологию» в переводе мы называем «германской», а «Граматику» — «немецкой». Дело в категориях всеобщности: грамматика, в отличие от мифологии, не может быть единой и всегерманской.

древнескандинавским... Кроме того, сравнительно часто в книге встречаются такие обороты, как, например, «deutsche Stämme», «deutsche Sprachen» — и, разумеется, речь идет о *германских* племенах и *германских* языках (вряд ли имел бы право на существование оборот «*немецкие* языки»! слово «germanisch», отметим, иногда — очень редко — у Гримма тоже встречается).

Итак, Гримм отказался от термина «германский» оттого только, что Раск, со скандинавской стороны, не принимал его как всеобщий: у римских авторов «Германией» называется только континентальная часть германоговорящего региона. Термин «deutsch», с другой стороны, используется у Гримма в его архаичном значении — как современный аналог слова thiotisch. Как в этом случае поступать переводчику?

Дж. С. Сталлибрас, переводчик «Мифологии» на английский, отмечает: «...по необходимости, Гримм очень многое черпает из лучше сохранившейся скандинавской мифологической системы, и потому скандинавский материал составляет существенную часть этой книги <...> Переводить Deutsch как *немецкая* [German] — значит вводить в заблуждение» [45, р. VIII]. Британский переводчик останавливается в итоге на варианте «тевтонская»: Teutonic Mythology. Но *Teutonic* в английской терминологии XIX века (перевод Сталлибраса выходил в 1882—1888 годах) — это полный аналог современного Germanic (см., например, рассуждения Р. Андерсона в [5, р. 3]).

Для перевода названия «Deutsche Mythologie» совершенно необходимо отвергается такой вариант, как «Готская мифология» (по классификации Раска, которую не принимают ни Гримм, ни современная наука); не применим здесь и термин thiotisch, предложенный Гриммом в молодости, — он не русифицируется и ни о чем не говорит русскому читателю; разумеется, неприложима и версия английского переводчика — слово «тевтонский» в русскоязычной традиции ассоциируется скорее с Ливонией и Балтийскими крестовыми походами, чем с пангерманскими древностями. «Немецким», как уже отмечалось, по-русски называется только один язык и только один народ³⁴.

Соответственно, остается лишь термин «германский» — наиболее общий, нейтральный и имеющий хождение в научной литературе. Весомым аргументом в пользу «*германской* мифологии» является и то, что в «Грамматике» Гримм отказывается от слова germanisch лишь на том основании, что Раск дезавуирует его по отношению к скандинавской группе. В «Мифологии» же Гримм намеренно обособляет внутренне-германское от скандинавского, используя последнее «как утók, а не как основу»³⁵.

³⁴ Между прочим, еще в XIX веке средневерхнегерманский язык в России иногда называли средневерхнегерманским (см., например, статью о Герборте фон Фрицларе в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»).

³⁵ Так, упомянув о недооцененности германских древностей, Гримм добавляет: «...наши древности вообще сочли достоянием нянек и прях — у людей, не знакомых с сущностью

Вспомним, кроме того, что слово «германский» значительно древнее слова «немецкий», или «deutsch»: если о *германцах* говорят еще древнеримские авторы, то слово *deutsch* в той или иной форме впервые письменно упоминается только в начале IX века (причем, как специально отмечает Людвиг Уланд, почти исключительно по отношению к *языку*: *lingua theodiska*). Соответственно, когда Гримм вел речь об историческом становлении германских наречий, то термин *deutsch* представлялся вполне естественным; вопросы мифологии, с другой стороны, касаются в том числе и времен доисторических — потому, пожалуй, они требуют более древнего обозначения.

Соответственно, в этом переводе мы остановились на варианте «Германская мифология»: он отражает реальное содержание книги, согласуется с намерениями автора и даже может быть увязан с древнейшей источниковой базой.

Отдельные вопросы может вызвать и второй термин из заголовка — «мифология». В соответствии со своим общим научным подходом, Гримм использует и это понятие в его максимально расширенном значении: мифология для него — это не только совокупность мифов, но и вообще вся духовная жизнь народа, как она овеществляется в языке. Мифология по Гримму значительно шире религии. Характерна такая цитата (из главы XXXIII):

Народные представления о сущности и природе дьявольского от новозаветных времен до наших дней складывались под влиянием весьма различных течений. Дьявол — он и иудейский, и христианский, и языческий, он и идол, и эльф, и великан, и призрак: всё вместе [3, S. 824].

Мифология в целом — она, по Гримму, и языческая, и христианская, и моно-, и пантеистическая: это сумма нравственно-поэтических констант, направляющих народ в его историческом движении и предназначении. Когда Гримма обвиняют в том, что он «на каждом углу видит что-то языческое» [25, р. 267], то это не вполне корректно: дело не в язычестве как таковом, не в религии древних германцев (хотя, разумеется, это одна из важнейших тем книги), а в мифосе и логосе, пронизывающих народное бытие во все времена и через любой символ веры. Германцы для Гримма — непреходящая общность (скажем, в том, что Тацит говорит о древних свевах, Гримм усматривает «зерно немецкого протестантизма»), а мифология есть репозиторий народных воззрений, средоточие некоего консервативного духа, направляющего народ через тысячелетия.

народного творчества, это считается глубоко унижительным» [3, S. V—VI]; в своей борьбе против таких критиков Гримм видит некое историческое предназначение: «для норн и прядильщиц судьбы приходит теперь время отмщения». Ср. с известными словами Рудольфа фон Раумера: «он [Якоб Гримм] работает в союзе с тем духом, от которого и происходит объект его исследований; в нем самом есть нечто от той силы, что создала язык, право и миф» [47, S. 535].